

II. ВОЗЗВАНИЕ К СЛАВЯНАМ. 1848 г.

** Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag. Koethen. Selbstverlag des Verfassers. 1848. (Воззвание к славянам. Русского патриота Михаила Бакунина. Члена славянского конгресса в Праге. Кётен. Самиздат автора. 1848)*

Братья!

Решительный час пробил. Дело идет о том, чтобы открыто и отважно решить, чью сторону взять: сторону ли развалины мира, чтобы поддержать ее еще на короткое мгновение, или сторону нового мира, которого заря занимается, который принадлежит будущим поколениям и которому принадлежат будущие поколения. Для вас дело идет о том, ваша ли будет молодая будущность, или вы еще раз хотите впасть на целые века в могилу бессилия, во тьму тщетных надежд, в проклятие рабства. От вашего выбора зависит, удастся ли и остальным народам, стремящимся к освобождению, достичь цели быстрым и безостановочным шагом, или же эта цель, если она и не может никогда исчезнуть, то все же должна опять отодвинуться в необозримую даль. На вас обращены глаза всех, полные ожидания. На том, какой будет ваш выбор, покоится решение ближайшей и дальнейшей судьбы мира. Решайтесь что вам выбрать, -- спасение себе или гибель, быть ли вам благословением или проклятием мира. Этот выбор лежит перед вами, -- выбирайте!

Мир разделен на два стана. Между ними не проложено никакой средней дороги. И ни одна часть не может безнаказанно отделиться от великого неразрывного союза, в котором стоят все, кто преследует одинаковую цель, и кто все вместе должны победить или покориться.

Мир разделен на два стана. Здесь революция, там контр-революция, -- вот лозунги. На один из них должен решиться каждый, и мы, и вы, братья, должны решиться.

Средней дороги нет. Те, которые ее указывают и прославляют, или обманутые, или обманщики.

Обмануты, если верят в ложь, будто можно вернее всего проскользнуть к цели, уступая понемножку обеим борющимся партиям, чтобы успокоить обе и помешать взрыву необходимой открытой битвы между ними.

Обманщики, если хотят уверить вас, будто вы, по примеру хитрых дипломатов, должны стать вне обоих лагерей, чтобы, улучивши время, примкнуть к сильнейшему и при его помощи счастливо обделать ваше собственное дело.

Братья! не доверяйте дипломатическим уловкам. Поляки уже бросились в гибель, они столкнули и вас туда.

Что говорит вам дипломатическая хитрость? Она говорит вам, что стоит только вам воспользоваться ею, как средством, и вы победите врагов. Но не видите ли вы, что пока вы ею воспользуетесь, она, вместо того, употребит вас, чтобы, при вашей помощи, разбить на голову своего теперешнего врага, а потом, справившись с ним, поработит и вас, стоящих одиноко и потому тоже слишком слабых для сопротивления? Разве вы не видите, что постыдная хитрость контр-революции именно в том и заключается, что она старается разрознить передовых бойцов молодого, нового, времени, прилагая старое правило всех угнетателей: "разделяй и господствуй", чтобы их по одиночке поработить и заковать в оковы?

Чего же иного можете вы от нее надеяться? Разве может дипломатия отречься от своей матери, которая есть ничто иное, как самая старая деспотия? Может ли она стараться помогать победе каких либо интересов, кроме тех, благодаря которым она сама началась? Может ли она работать для рождения того нового быта, который есть ее проклятие и смерть? Может ли она быть союзницей той демонической силы, мир обновляющей, которая нам братья, прокладывает дорогу, чтобы мы могуче перелили нашу внутреннюю полноту, как свежие весенние соки в жилы окоченелой европейской народной жизни? Никогда! Взгляните только твёрдо и проницательно в искаженное злостью лицо вероломной дипломатии и вы проникнетесь страхом и отвращением от ее своднических пригонок и с ужасом и омерзением оттолкнете ее прочь от себя. Никогда не выйдет правда из лжи, великое из посредственности, и свобода завоевывается только свободой.

Ваш гнев был справедлив; справедливо дышали вы местью против той достойной проклятия немецкой политики, которая замышляла только вашу гибель, которая веками держала вас в рабстве, которая в Франкфурте говорила с презрением о ваших справедливых надеждах и требованиях, которая в Вене злорадно ликовала над поражением нашего, полного жизни пражского с'езда! Но не заблуждайтесь, присмотритесь! Эта политика, которую мы осуждаем, которую мы проклинаям и которой мы страшно отомстим, не есть политика будущего немецкого народа, не есть политика немецкой революции, немецкой демократии; это политика старой государственности, политика княжеского права, аристократов и привилегированных всякого рода, политика камарилей и генералов, управляемых ими, как машины, Радецких, Виндишгрецев, Врангелей, это политика, для гибели которой мы все, юношески оживленные современным духом, отважно и радостно должны схватить протянутые руки демократов всех стран, и, в тесном союзе с ними, должны сражаться за их и наше общее спасение, за их и нашу общую будущность.

То что делают реакционеры для своего неправого дела, неужели мы, не сделаем для нашего правого дела?

Если реакция устраивает заговоры во всей Европе, если она при помощи принятой организации действует соединенно и сплоченно, то и революция должна создать себе соответственную силу действия. Священная обязанность нас всех, борцов революции, демократов всех стран, соединить наши силы, постараться друг друга понять и сплотиться

вместе, для того, чтобы в союзе мы могли отразить и победить врагов нашей общей свободы.

Именно первым признаком жизни революции, -- вы это знаете, -- был крик ненависти против старой политики угнетения, крик сочувствия и любви ко всем угнетенным национальностям. Народы, которых так долго водила на аркане лицемерная и предательская дипломатия, почувствовали, наконец, позор, каким старая дипломатия покрыла человечество, и признали, что благо наций не обеспеченно, пока хоть один народ в Европе живет под гнетом; что свобода народов, для того, чтобы укорениться где-либо, должна укорениться везде, и в первый раз действительно потребовали они, словно из одних уст, свободы для всех людей, для всех народов, свободу истинную и цельную, свободу без условий, без исключений, без границ. "Прочь угнетателей!" раздалось словно из одних уст, "да здравствуют угнетенные, поляки, итальянцы и все! Не надо более завоевательных войн, еще только одно последнее сражение революции для окончательного освобождения всех народов! Долой искусственные границы, насильно проведенные конгрессами деспотов, ради так называемых исторических, географических, коммерческих, стратегических необходимостей! Не должно быть никаких других границ разделения между нациями, кроме границ, согласных с природою, проведенных справедливо в духе демократии, которые начертает верховная воля самих народов на основании их национальных особенностей!" Так пролетел клич по всем народам.

Вы внимаете, братья, кличу величественному, полному предчувствия? Помните, как в Вене вы внимали ему, когда, сражаясь с другими за спасение всех, вы, между немецкими баррикадами, воздвигли большую славянскую баррикаду со знаменем нашей будущей свободы.

Велико и прекрасно было это движение, которое прошло всю Европу. Как поднялись, трепеща от радости, тронутые дуновением революции, итальянцы, поляки, славяне, немцы, мадьяры, валахи, те что в Австрии, и те, что в Турции, словом все, которые до тех пор стонали в домашних цепях или под чужим игом! Самые дерзкие мечты исполнились. Народы видели, как с могилы их независимости свалился, словно сдвинутый, невидимой рукой, тяжелый камень, давящий ее целые столетия, волшебная печать была сломана, и дракон, стороживший болезненное оцепенение стольких заживо погребенных наций, лежал там убитый и хрипящий. Занялась красная заря весны народов. Старая государственная политика погрузилась в ничто: новая политика вступила в жизнь, политика народов. Революция об'явила разрушенными деспотические государства, -- об'явила разрушенную прусскую державу, признавши доставшиеся ей польские части края отделенными, -- об'явила разрушенную Австрию, это чудовище, сплетенное хитростью, насилием и преступлением из самых разнородных национальностей, -- об'явила разрушенной турецкую державу, в которой едва семьсот тысяч османов попирали ногами двенадцатимиллионное население славян, валахов и греков, -- наконец, об'явила разрушенным последнее утешение деспотов, последнее жульническое укрепление разбитой на голову дипломатии, русскую державу, чтобы три поработанные ею нации, великороссы, малороссы и поляки, предоставленные самим себе, могли подать свободную руку остальным славянским братьям. Так был разрушен, опрокинут и за ново устроен весь север и восток Европы, Италия освобождена, и конечной целью всего поставлена была -- ВСЕОБЩАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ЕВРОПЕЙСКИХ РЕСПУБЛИК.

Тогда мы вместе, как братья, вступили в Прагу: представители всех славянских народностей встретились, наконец, как братья, после долгой разлуки, и с восторгом говорили друг другу, что отныне наши дороги не должны расходиться. Живо чувствуя общую связь истории и крови, клялись мы не допускать более, чтобы наши судьбы шли розно. Проклиная политику, жертвой которой мы были так долго, мы сами себе создали право, основанное на совершенной независимости, и обещали, что она отныне будет общей всем славянским народам. Мы признали за чехами и хорватами самостоятельность. Мы решительно отразили нахальные притязания франкфуртского парламента, этого сборища, ставшего уже теперь посмешищем всей Европы, которое хотело онемечить нас, и в то же время мы протянули братскую руку немецкому народу демократической Германии. Во имя тех из нас, которые живут в Венгрии, мы предложили братский союз мадьярам, бешеным врагам нашей расы, им, которые, едва насчитывая четыре миллиона, осмеливались стараться наложить свое иго на восемь миллионов славян. И тех наших братьев, которые вздыхали под гнетом турок, не забыли мы в нашем союзе освобождения. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды разорвала Польшу и еще раз хочет разорвать ее печальные остатки, и выразили живую надежду, что воскресение этого благородного, святого народа-мученика скоро подаст нам знак к освобождению нас всех от старого рабства. Наконец, к великому русскому народу, тому народу, который один из всех славянских народов сумел удержать в полной мере свою политически-национальную самостоятельность, мы обратились с воззванием, с убеждением помнить о том, что он сам слишком хорошо знает, что вся эта самостоятельность и величие есть ничто, пока народ сам в себе не освободится и пока он терпит, чтобы его сила была чумой для несчастной Польши и вечно угрожающим бичем для всей европейской цивилизации. Все это мы высказали и, вместе со всеми демократами всех народов, потребовали: СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА ВСЕХ НАЦИЙ, в среде которых, свободные, как они, и в братских отношениях со всеми, славянские народы должны завязать между собою тесный братский союз для образования одного большого союзного тела.

Мы чувствовали тогда себя уверенными в нашем деле; в его успехе нельзя было сомневаться, если бы только мы стояли при нем до конца; потому что справедливость и человечность были всецело на нашей стороне, на стороне же наших врагов ничего, кроме несправедливости и варварства. Не пустым грезам отдавались мы; нет, это были мысли о единственно верной и необходимой политике, политике самоосвобождения, революции, единодушного действия вместе с народными восстаниями всех стран, в братском единении с демократией всего мира. Мы отбросили противную политику, которая вам предлагалась, политику лицемерия и предательства, политику дипломатов, государственных умников, которые преподавали вам мудрость, будто вы должны искать избавления в восстановлении самодержавной власти и в спасении Австрии, потому будто бы, что если вы опять возвратите силу императору, то вы, австрийские славяне, образуете независимое славянское государство и будете свободны при помощи восстановленной вами императорской власти. Что нас эта политика может совратить, в этом была в Праге единственная опасность, от которой я тогда предостерегал на с'езде. Тогда мы избежали опасности, и партия государственных политиков уступила перед нашим воодушевлением, общим делом всех славян и всех свободных наций.

Но что же тогда сделали рабы отвергнутой нами государственной политики? Они были благосклонны к нашему с'езду, пока надеялись воспользоваться им для своих дипломатических целей и для подавления немецкой и мадьярской революции в Австрии, но тотчас начали свирепствовать против него, как только увидели, что он обращается против их планов и хочет служить не интересам государственной политики, а чистым интересам национальной свободы и братства народов. Теперь они достигли того, что разбили наш с'езд и допустили Виндишгреца бомбардировать Прагу. Напрасно было пятидневное геройское сопротивление вдохновенного народа; город принужден был покориться, преданный теми, кто был призван защищать его, и славянский с'езд был распущен. Но мы еще ничего не потеряли. С сердцами, волнуемыми верой в наше святое и правое дело, расстались мы, и рассеялись, чтобы повсеместно работать для него и везде готовить почву для нашего будущего освобождения; мы желали друг другу увидеться снова в великий день нашего общего славянского восстания.

Деспоты дрожали, несмотря на их кажущуюся победу в Праге. Они дрожали от страха, что мы бесстрашно исполним те клятвы, которые мы произнесли, пылая мстью, перед развалинами и горами трупов, залитые кровью наших храбрых братьев, под громом бомб, которыми Виндишгрец, палач вашей свободы, осыпал золотую Прагу. Они дрожали перед восстанием славянских народов, которых прежде они мечтали водить на помочах, как послушных детей.

Что сделали тогда деспоты? Они говорили между собою: восстание славян грозит нам гибелью; поищем средств, чтобы превратить славянское восстание в якорь нашего спасения! Какие же средства? Вот они: натравим славян на немцев, а немцев на славян! Собьем с толку этих еще неопытных в политике детей разными кажущимися доводами и обаятельными обманами, пусть они воображают себя мудрецами, ступая по дороге, ведущей к нашей цели. Вызовем для этого опять всю старую закоренелую ненависть, все справедливые и несправедливые предрассудки, все едва поколебленные причины взаимного подозрения и недоверия, шепнем им это на ухо, чтобы отравить сердце, возмутить умы, ослепить души и распалить их друг против друга! Мы раздуем в неугасаемый пожар этот зажженный нами огонь лъстивыми обещаниями с нашей стороны, которых мы никогда не исполним.

Так они говорили, так они и сделали. И врагам свободы, врагам справедливости, мастерам предательской государственной политики удалось на одно мгновение заморочить наши головы, братья! Вы допустили опутать себя на одну минуту изобретением этих лукавых политиков, которое состояло в том, будто дело революции все равно, что дело тех немецких пожирателей страны в парламентах, на которых обращен ваш справедливый гнев, все равно, что дело ваших врагов и притеснителей, властолюбивых мадьяр, и вы, сбитые с толку, обратились против основы вашей собственной и нашей общей свободы; против революции, и пристали к своему заклятому опаснейшему врагу, к династической политике и деспотизму. Нашего, же естественного друга и союзника, демократию, вы оставили в Вене страдать и нести наказание за нас. Славяне! как прежде грешила против вас старая немецкая государственная политика в Вене, так грешила подогретая деспотическая система во Франкфурте. Правда, славяне мстили в Вене за совершенные против них преступления, но они выместили не на преступниках, а именно на прирожденных судьях

преступника и естественных союзниках мстителя. И партия государственных политиков, уступившая в венском парламенте в решительный час опасности, когда только одни народные интересы должны были считаться и все должны были соединиться, эта партия старалась потом уверить вас в Праге, что последнее венское восстание вовсе не было народным движением, а было сделано мадьярскими деньгами. Но, братья, кто из нас был бы так жалок, так глуп, чтобы доверить этим бабьим сказкам, будто революции делаются деньгами? Нет, деньги всего мира не могут подвинуть народ к возмущению, ни один народ не имеет такой скверной молодежи, которая бы дала себя подкупить. Императорская австрийская государственная политика, -- говорила вам еще эта партия государственных политиков, -- это враг ваших врагов, так как она враг разбойничьей мадьярщины, то она и враг немечины, пожирающей страны! Ложь! Не видите ли вы, что австрийская государственная политика идет рука об руку с политикой центральной власти во Франкфурте, с политикой угнетения во что бы то ни стало и подавления всякой свободы? Правда, во Франкфурте, в этом фальшиво названном народном представительстве большинства, сидят такие жалкие, детски глупые люди, которые против воли действительной немецкой нации, только и мечтают о расширении немецкого владычества и о покорении всех ненемецких народов, живущих на так называемой немецкой земле. Но заблуждением и глупостью этих людей злоупотребляет центральная власть Германии, так же как австрийская государственная политика злоупотребляла доверчивостью одной части славян, чтобы поссорить этот чуждый народ с его истинным немецким другом, с друзьями свободы, равенства и братства всех наций, с народом жаждущим свободы, с демократами Германии, со всеми теми, которым вы должны протянуть братскую руку, потому что они не ваши враги, а враги ваших врагов. Вы были бы свободны, так вас морочат эти государственные политики, -- вы были бы свободны, если бы помогли Австрийской государственной политике победить ее врагов. Но какая ложь! Вена пала, -- что же, вы видите какой свободой пользуетесь вы теперь, после этой ужасной катастрофы в Праге, видите, как дипломатия держит свои обещания; вы видите, какие горькие плоды приносит ее союзничество? Где свобода Праги? Ищите ее с фонарем!

Да, обман уже исчезает, вы опять пришли в себя, братья, вы опять прозрели. Что сделал Еллачич, вам это видно, так же как и те цели, которые он преследовал; теперь они уже ни для кого не тайна. Его первоначальная задача была защищать славянскую свободу против угнетательной политики господствующей партии мадьяр и помочь победить враждебную народу государственную политику, на которую работала эта партия при Кошуте. Вместо этого, он пошел в Вену и помог там победить народное восстание, демократию. Он изменил правой и святой цели, хорошему демократическому движению южных славян и продал их именно этой безбожной политике, ради ниспровержения которой возмущенные славянские племена доверили его представительству свою молодую буйную силу. Его призвание было поддерживать наше нуждающееся в помощи братское племя, словаков, силами доставленными ему южно-славянским восстанием. Презрев это святое призвание, он предпочел стать слугой австрийского государства и повести свои войска против столицы империи, чтобы сделать из нее очаг деспотизма для всей Австрии, для всей Европы. Вместо того, чтобы работать для свободы всех народов, он работал для выкованного в Инсбруке и Вене, радостно принятого и поощренного в Потсдаме и санкционированного франкфуртской центральной властью, как и в Петербурге, заговора притеснителей народных, опустошителей городов, массовых убийц, старых деспотов.

Вы должны быть австрийцами, этого хочет государственная политика, этого хочет предатель Еллачич, который отважился провозгласить открыто, и громко эту политику, как спасение славян.

Вы должны быть австрийцами. Что значит быть австрийцами? Это значит: помогать деспотии ослаблять рознью и ненавистью каждую из разнообразных напиханных в Австрию народностей, чтобы, усилившись слабостью и взаимной ненавистью их, она наложила на всех их свое иго. Это значит сделать для деспотий возможной уловку, состоящую в том, чтобы помешать слиться свободно в нации людям, родным между собою по крови, языку и нравам, по великим историческим воспоминаниям и еще большим надеждам в будущем, чтобы оторвать от них куски и из этих оторванных и обессиленных отделением кусков, склепать одно искусственное, всякой природе противное, государственное целое, части которого гнулись бы легко под скипетром деспотии, так как они были бы слишком чужды и враждебны одна другой, чтобы вместе держаться и сопротивляться. Это значит, дать деспотии возможность возобновить старую игру, которая разорвала Польшу на куски, и продала один кусок одному, другой другому государству, и все еще продолжает разрывать тело этого прекрасного народа, чтобы задушить всякую надежду на возрождение Польши, если бы это было возможно. Это значит, оторвать от общего славянского дела, дело чехов, словаков, сербов, кроатов и всех других народов нашего племени, живущих под австрийским владычеством.

Вы должны быть австрийцами. Что же вы выиграете, братья, если станете австрийцами?

Одно из двух: или австрийское государство, останется тем, чем оно есть, смесью народностей, которым будут даны из милости равные права, и вы будете долго посреди этого хаоса тем, чем были, низкими, бессильными, презираемыми рабами произвольного полка; смиренно и послушно покорными предписаниям, посылаемым вам из Вены, без свободы, без собственной силы, без влияния на развитие будущности всех соединенных славян, на общечеловеческую будущность.

Или же австрийскому государству только тем удастся утвердиться прочно как государству, что оно действительно сдержит свое притворное обещание, данное вам, и превратится совершенно в славянское государство. Но что же вам от этого? Будете ли вы велики и свободны в этом последнем, лучшем случае? Нет, вы тогда будете угнетателями наших братьев братьев чужой национальности, деспотами итальянцев, мадьяр, немцев австрийских. Вы будете делать другим то, чего не хотите, чтобы с вами случилось. И вы сделаетесь опять рабами, рабами своей собственной деспотии; потому что никто не может обращать другого в рабство, не делаясь рабом сам: я, как русский, говорю это вам. Вы навлечете на себя ненависть не только тех, которых вы будете угнетать, но и всего свободолюбивого мира, ненависть, негодование, презрение и проклятие всех народов, и, наконец, погибните сами, как губители.

Скажите, на что вы можете опереться после того, как покроетесь позором тирании, когда придет день суда, когда та самая сила, которая толкает вас теперь на борьбу с вашими притеснителями, революция, встанет против вас и вы тогда, не только, как враги поработанных вами, но и как враги ваших собственных братьев по племени, от которых вы

преступно отделились, для свободы которых вы ничего не сделали, которых бедствие вы помогли продлить,-- когда вы, как враги народной свободы, как враги всего человеческого рода, будете стоять отвергнутые всем миром? Скажите, к чему будет ваша сила; если вы ее не там будете искать, где ее только и можно найти, а именно в святом единении, в общности всех славянских братьев на земле? Император ли Фердинанд ваша сила, это несчастное слабоумное создание, которое дает себя гонять с места на место женщинам и придворным и без воли дает себя делать палачем и убийцей тех, добрым отцом которых он себя называет, этот император, в груди которого, если бы даже это была грудь мужчины, не может жить никакое чувство к нашему национальному стремлению, к нашему спасению и будущности, так как что бы ни билось в этой груди, это не будет славянское сердце?-- Или ваша сила в этой интригующей крамольной камарилье, которая только живет вашим ослеплением, и существование которой только и поддерживается ценою ненависти, возбужденной ею к вам во всех, кого она гнет вместе с вами в одно ярмо, которая пользуется вами для усмирения их, а их употребляет, чтобы не дать вам возгордиться, последнее утешение которой, если провалятся все ее хитрости, есть армия императора Николая, главы и стража всей народопредательской крамолы в Европе?-- Или вы сами себе будете силой, вы, двенадцать миллионов славян, против целого мира противников и врагов, без симпатии и помощи отвергнутых и оставленных вами ваших братьев по племени в России и Польше, этих ваших естественных союзников из шестидесяти миллионов,-- вы, которые уже теперь думаете, что не можете устоять сами, не опираясь на черножелтую камарилью и на ее государственные уловки?

Что выйдет из вас при такой обособленности и заброшенности? Ничего! Чем бы вы могли стать в союзе с вашими братьями? Громадной силой из восьмидесяти миллионов, сильным знаменем свободы, радостью и гордостью всего соединенного юношески пробужденного человечества.

Братья! я русский, я говорю вам как славянин. Я вам изложил откровенно на с'езде в Праге мои намерения, чувства и мысли. Вы знаете, что я, как русский, вижу спасение моих земляков только в общности со всеми остальными братьями, в федерации свободных племенных союзов. Вы знаете, что я поставил задачей своей жизни стремление к этой великой и святой цели. Это дает мне право говорить с вами так, как я говорю теперь, потому что ваши обстоятельства вместе с тем и мои собственные, ваше дело есть наше, ваше спасение -- наше спасение, ваш позор -- наш позор, ваша гибель -- наша гибель. От племени шестидесяти миллионов славян я обращаюсь к вам с речью, от имени шестидесяти миллионов ваших братьев, которые устали от долгого тяжелого рабства и которые, как только узнали о собрании Славянского с'езда, стали смотреть на него, как на избавителя и спасителя. Быть членом этого с'езда и принимать участие во всех советах и решениях, предпринятых для нашего общего спасения, я с своей стороны считаю за величайшую честь в своей жизни. Вы тоже признаете величие и силу того могучего племени, представителем которого я был на нашем общем совете и от имени которого взываю к вам теперь, я это знаю; я знаю, что вы с гордостью смотрите на народ, которому одному из всех славян удалось сохранить в целостности свою национальную независимость, что вы верите в его будущность, которая, наверное, будет опорой и силой славянства.

Но различайте хорошо, братья славяне! Если вы ждете спасения от России, то предметом вашего упования должна быть не поработенная холопская Россия со своим притеснителем и тираном, а возмущенная и восставшая для свободы Россия, сильный русский народ.

От имени этого народа говорю я вам, я, русский, все наше спасение в революции и нигде более.

Не в императоре Николае, не в его войсках, не в его могуществе и политике искать вам избавления и спасения, а в той России, которая свергнет эту императорскую Россию и сотрет ее с лица земли.

Верьте мне, указы царя, деспота России, не выражают наших чувств, наших желаний, нашей воли. Нет, и еще раз нет! Это искажение того, что живет в глубине нашего русского сердца. Наше племя глубоко чувствует срам и позор рабства, в котором держит его деспот; оно наибольший враг того, кого еще многие из вас считают истинным представителем русской народности, наибольший враг этого палача, этого мучителя и посрамителя его чести, Николая.

Ведь, кто же этот Николай? Славянин? Нет, голштинско-готторнский господин на славянском троне, тиран чужеземного происхождения! -- Друг своего народа? Нет, расчетливый деспот, без сердца, без всякого чувства ко всему русскому, ко всему славянскому, без малейшего понятия о том, что тихо и скрыто кипит и клоочет в его народе. Защитник общеславянских интересов? Нет, настолько нет, что он ежедневно изменяет им и, страшное слово, "панславизм" употребляет только, как угрожающее средство, чтобы при помощи его обеспечить свое влияние в Германии, которое немцы проклинают, и свое господство над немецкой политикой, которое гибель для немцев. Иметь силу в Германии, которой отдельные деспоты, его ученики и вместе почитатели, ползающие перед ним в пыли поклонники и обожатели его мудрости и силы, вот чего он ищет и добивается: Россия, славянство нужны ему только, как орудия для проведения его старой, насквозь немецкой и на Германию метящей, политики разделения и господства, которая состоит в том, что он предает славян при помощи неметчины для того, чтобы потом предать немцев при помощи преданного славянства. Как мало для него значит славянство, это вы видите из того, что он посылал свой высочайший похвальный лист Виндишгрецу, убийце славянски мыслящих славян в Праге, в знак благодарности ему за резню, произведенную над защитниками славянского дела! Вы видите это из того, как он давал поддержку южных славянам деньгами, оружием и войском, но не как славянам, восставшим для спасения всех нас, а только потому, что их восстание, по его расчету, должно было послужить на пользу его любимому детищу, австрийской деспотии, и только под условием, чтобы отделить их дело от польского дела! Вы видите это из того, что он держал наготове своих солдат; чтобы по первому знаку австрийской камарильи ворваться в Галицию! Вы видите это по тому, как он делает все, что только в его силах, чтобы помешать возрождению Польши, так как возрождение Польши было бы концом его силы.

Но его час пробил.

Я говорю вам еще раз: русский народ пресыщен и утомлен порабощением и позором, он устал служить жалким орудием достойной проклятия политики.

Братья, не обманывайтесь внешним видом, будто этот народ-великан до сих пор еще лежит скованный по всем членам железным волшебным сном! Я вам говорю: он спит уж не глубоко, он только тихо дремлет, он уже начал пробуждаться. Не обманывайтесь упованием Николая, его уверенностью в своих деспотических кознях, в верности его войска, в подчиненности масс, в ее вере в его силу.

Я вам говорю: эта вера везде пошатнулась, а удары кнута, лишения прав и имущества, ссылки в Сибирь и на Кавказ, все это плохие средства, чтобы оживить ее.

Я вам говорю: деспотические козни разбиваются все более и более о каменную грудь революционного духа, для отражения которого от русской земли, тиран, внутренне уже дрожащий, хотя наружно сохраняющий притворное спокойствие и твердость, напрасно выставляет на своих границах страшные пограничные войска и готовится даже выступить против него, духа революции, на прусской и австрийской земле; напрасно, говорю я, потому что дух невидимо ступает вперед, и, словно азиатская холера, смеется над всякими пограничными стражами и заставами.

Я вам говорю: верность русского войска надломлена сочувствием славян к славянам, влечением русского сердца к братскому польскому сердцу. Да русское сердце обливается кровью от стыда и боли, что немецкие обладатели русского скипетра так жестоко предали братский славянский народ германским тиранам и так бесчестно разделили славянскую страну с германскими тиранами; оно обливается кровью, это русское сердце и возмущается ужасной судьбой этого геройского славянского племени, которое опередило нас всех по дороге свободы и пролило по капле свою драгоценную кровь в долгом мученичестве за нашу общую свободу, которое, однако, среди всяких унижений и терзаний не отступает и не устает, и окончательное восстановление которого в ряду народов подаст вам огненный сигнал, который, прорезывая тьму нашего рабства, поведет всех славян по пути к освобождению и спасению. Да, Польша, это стрела в русском теле; через униженную Польшу истекает кровью русская деспотия; крест, на котором она распинала мученика, будет ее собственным позорным столбом, у которого она кончит свою мерзкую жизнь. Николай это предчувствует, он знает это и потому все глубже и глубже запускает свои ястребиные когти в судорожные члены несчастного растерзанного польского тела, мучимый страхом и дрожащий перед возможностью, что эти бессмертные члены все же, наконец, соберутся и вновь соединятся в одно одушевленное тело, чтобы воздать давно уготованную, но не выполненную, ужасную месть своему и всеславянскому палачу. Его смертельно мучит проглоченный кусок этого величия, которого деспотизм никогда не переварит во внутренностях своей власти и великолепия. Он это чувствует и знает, но он только одному не хочет верить, что яд уже свирепствует по всем жилам и сосудам тела его власти, что его войска, солдаты и начальники, как только приходят в соприкосновение с польской народностью, тотчас чувствуют магическую силу этой святыни нашей национальности, освященной безмерными страданиями, этой скинии завета нашего освобождения, этого огненного и дымового столба, который день и ночь указывает нам дорогу через пустыню нашего рабства в обетованную землю свободы всех славян. Да, они чувствуют вместе с

Польшей, они вдохновлены для Польши, они видят в спасении Польши свое собственное спасение, они уже не против Польши, а только за ее дело могут сражаться.

А подчиненность масс, -- если ты и рассчитываешь на нее, ослепленный царь, ты который так умен и хитер в мелочах, да на запутанных дорожках твоих низких хитростей, действующих чудесно только на старчески слабую Европу, ослепленный царь, ты строишь ва песке! Правда, крестьянский бунт в Галиции плох, потому что он обращается, питаемый и покровительствуемый тобою, против демократически настроенных, духом свободы проникнутых дворян; но он скрывает в своих недрах зародыш новой, неожиданной силы, вулканический огонь, взрыв которого похоронит под горами лавы благоустроенные искусственные сады твоей дипломатии и господства, потрясет и истребит без следа в один миг твою власть, ослепленный царь. Крестьянский бунт в Галиции это ничто, но его огонь разгорается все больше на подземном огне и уже вырастает огромный кратер между крестьянскими массами чудовищной русской державы. Это демократия России, пламя которой пожрет державу и осветит всю Европу своим кровавым заревом. Чудеса революции встанут из глубины этого пламенного океана, Россия есть цель революции; ее наибольшая сила, -- там развернется и там достигнет своего совершенства. Этой первобытной твердостью в железной настойчивости, с которой русский народ охранял свою внешнюю независимость при всех бурях, потрясавших славянский мир, он укрепится теперь для революции, чтобы добыть и удержать свою внутреннюю свободу. В Москве будет разбито рабство всех соединенных под русским скипетром славянских народов, а с ним вместе и все европейское рабство, и навеки будет схоронено в своем падении под своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдет в Москве созвездие революции из моря крови и огня, и станет путеводной звездой для блага всего освобожденного человечества.

Встаньте же славянские братья! Вы, призвание которых в том, чтобы сражаться в передовых рядах, встаньте! Во имя миллионов, которые должны скоро дать главное сражение, во имя северных славян, которые когда-нибудь потребуют от вас строгого отчета, что вы сделали для нашего дела, во имя этого народа еще и еще раз взываю я к вам: порвите с реакцией раз навсегда, порвите с дипломатией, порвите со всякой половинчатой и недостойной вас политикой и бросьтесь отважно и всецело в объятия революции!

В ней все, -- ваше пробуждение, ваше воскресение, ваша надежда, ваше спасение, ваша будущность! В ней и только в ней! Доверьтесь ей! Вы должны довериться, потому что, наверное, она не плохой союзник. Вам говорят: она уже пала под ударами контрреволюции. Это неправда. Оглянитесь, посмотрите на ее дело! Не изменилось ли все в европейском мире? Разве он не сделался вдруг хаосом, в котором те именно, которые стараются восстановить порядок старого мира, вносят только еще больше внутреннее замешательство своими созывами войск, своими бомбардировками и осадами, своими громко вопиющими о мести насилиями, своими бойнями и опустошениями? Разве не стала анархия постоянной и всякая попытка обуздать ее не бывает ли еще более анархической, чем первоначальная анархия? Оглянитесь вокруг:-- революция везде. Она одна царит, она одна сильна. Новый дух со своей разрушающей, разлагающей силой вторгнулся бесповоротно в человечество и проникает общество до самых глубоких и темных слоев. И революция не успокоится, пока не разрушит окончательно одряхлевшего мира и не создаст нового, прекрасного. Поэтому в ней и только в ней вся наша сила, мощь и верность победы. Только в ней жизнь, вне ее --

смерть. Только тот, кто идет за ней и ведет ее дело, увидит свое дело победившим, потому что одна она раздает все прекрасные военные награды; кто против нее, тот должен рано или поздно погибнуть и не увидит дня спасения. Она не терпит никакой середины, двойственности, заигрывания, немножко с ней, немножко с ее врагом, никакой колеблющейся, недоверчивой, лицемерной предупредительности; она требует, чтобы ей отдавались безусловно, откровенно, доверялись и принадлежали ей вполне. Она сила, она правда, она спасение нашего времени, она единственная практика, ведущая к добру и удаче; вне ее нет ума, мудрости, политики; она одна ум, мудрость, политика и все, что ведет к цели. Она одна может создать полноту жизни, даровать непоколебимую уверенность, придать силы, творить чудеса, превратить в одну живую и жизнь производящую массу мир из восьмидесяти миллионов людей, которых деспотизм держит в тысячелетнем сне. Верьте революции. Отдайтесь ей вполне и всецело! Без нее нет славянства!

Вы должны отдаться революции всецело и безусловно.

Революционной должна быть ваша политика внутри и вне родины.

Вы должны быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию.

Какие народы и партии сражаются за революцию?

Все, которые сражаются за свою собственную независимость и вместе с тем за свободу всех, а потому в союзе против одного общего врага, против заговора деспотов.

Что поставил себе ближайшей задачей заговор деспотов?

Сохранение Австрии. Австрия есть центральный пункт сражения.

Чего должны мы, вследствие этого, желать?

Противуположного тому, чего они желают: совершенного разрушения Австрийской империи. Деспоты совершенно правы, в своем интересе делая Австрию главным пунктом сражения; потому что как русская империя служит внешней опорой деспотизма, так Австрия служит систематическим проведением его в сердце Европы; Австрия это окаменелое бесправие, плотина, в которую так долго разбивались в бессилии волны стремления к свободе в Европе. Поэтому, и мы вправе желать распада и уничтожения Австрийской империи в интересах свободы; потому что распад этой Австрии будет освобождением и поднятием многих поработанных австрийскому единству народов и освобождением сердца Европы. Кто за Австрию, тот против свободы. Поэтому мы, стоящие за свободу, должны быть против Австрии. Мы должны разрушить эту империю.

Как это случится?

Так, что мы посрамим все теперешние широко-задуманные планы австрийского императорского двора.

Как мы узнаем эти планы?

Мы видим, что делают слуги Австрии.

Кто главный слуга?

Виндишгрец.

Куда идет теперь Виндишгрец?

В Венгрию. После того как он бомбардировал Прагу и убил в ней свободу, после того, как он бомбардировал Вену и в ней убил свободу, он идет в Венгрию, чтобы и там убить свободу.

Что же мы должны вследствие этого делать?

Это ясно: мы должны теперь заявить себя и в Венгрии за мадьяр и против Виндишгреца.

Братья! Я знаю, какое я тяжелое слово произнес при этом. Что сделали мадьяры нашим славянским братьям, какие преступления совершили они против нашей национальности, как они попирали ногами наш язык и независимость,-- все это я знаю; я знаю, что они даже теперь, хотя научены опытом, который побудил их бежать на помощь венцам, все-таки не уважают и не признают свободы славян. Несмотря на все это, братья, та политика, которую мы установили еще на с'езде в Праге, а именно предложить мадьярам федерацию обеих народностей, под условием взаимного уважения прав и обоюдной совершенной независимости, на эту политику мы и теперь должны решиться. Это политика возвышенная, великодушная; предложение союза народу, который теперь находится в такой опасности, как народ мадьярский, не может унижить ваше достоинство, напротив, вы этим возвысите вашу честь. Эта политика не может остаться без успеха. Наверное есть между мадьярами люди, которые поймут все достоинство подобного предложения и не отвергнут условий, связанных с ним, ради блага Венгрии; дух, предписывающий эти условия, всегда, ведь, будет увеличивать свою власть над мадьярами, ведь, найдется и между ними теперь демократическая партия, которая только в свободе всех народов увидит обеспечение свободы отдельного народа, и которая в это время повсеместной нужды несомненно легче, чем когда-либо, приобретет себе всеобщий голос; но если бы было и не так, если бы даже ваша протянутая рука была отвергнута, то вы были бы свободны от всякой ответственности и только на голову тех, которые дерзко и с презрением оттолкнули благороднейшее предложение общего спасения, пал бы неизгладимый позор и упрек. Потому что политика, которую я здесь советую, это политика не только великодушия и благоразумия, но и мудрости, заботящейся о будущем. Потому что этим актом вашего великодушия вы сделаете сильнейшую пропаганду принципов свободы всех народов: это акт, который даст решительный поворот не только борьбе в Венгрии, но и общей борьбе революции против деспотов, который поставит вас во главе революционного движения и вы будете, как и прилично вам, гордо и отважно освещать факелом путь освобождению европейских народов.

Не нанесет ли славянин сам себе вреда, если протянет руку своему естественному врагу?

Конечно, нет! Мы так сильны, что можем быть благородны. О, конечно, славянин не пострадает, а выиграет. Конечно, он будет жить! И мы будем жить. Пока у нас будут оспаривать малейшую частицу наших прав, пока будет отделен или оторван хоть один из членов нашего общего тела, мы будем бороться не на жизнь, а на смерть, до последней капли крови, пока, наконец, Славянство станет посреди мира великим и совершенно свободным и независимым. Но именно потому мы должны смотреть выше малого на большее, выше отдельного на целое и направлять полную силу нашего сопротивления на упрямого врага союза, и если какой либо народ, хотя бы одна часть его и была некогда частью нашего врага, признает, наконец, наше право и пожелает сражаться за одно с нами против большого общего врага, то мы должны охотно протянуть ему руку.

Вы должны подать руку немецкому народу. Не деспотам Германии, с которыми вы теперь в союзе, нет, этого именно вы не должны делать. Не тем немецким педантам, и профессорам в Франкфурте, не тем плохим, узким литераторам, которые, по ограниченности или ради денег, наполнили большую часть немецких газет ругательствами против вас и ваших прав, против поляков и чехов, не тем немецким мещанам, которые радуются всякому несчастью славян. А тому немецкому народу, который происходит от революции, который станет свободной немецкой нацией, той Германии, которая еще не существует и которая поэтому, еще ни в чем не провинилась против вас, отдельные и по всей Германии разбросанные члены которой, разбитые так же, как и наши славянские народности, так же преследуемые и угнетаемые, как и мы, достойны нашей дружбы и готовы с распростертыми объятиями быть нашими друзьями.

Прежде всего вы должны сломить военную силу Австрии; силу, благодаря которой Австрия является австрийским государством; силу, которая задерживает и тормозит всякое свободное народное восстание и противится победе всеобщей свободы, равенства и братства всех народов. Вы видели в Праге, что такое эта военная сила, как она отвратительна. Что за люди бомбардировали под начальством Виндишгреца славянскую Прагу? Были ли это мадьяры? Были ли это немцы? Были ли это итальянцы? Нет, это были славяне и только славяне: чехи, поляки, словаки. И что такое австрийский генерал, это вы видели недавно на Еллачиче. Это иезуит во главе дисциплинированных банд, которые без своей воли, без своих целей, слепо повинуются его приказаниям; это человек, у которого нет ничего святого, которого не воодушевляют ни любовь к отечеству, ни чувство к своей нации, а только ревность к службе для пагубной австрийской камарильи и, чтобы угодить этой камарилье, он готов совершить какое угодно преступление. И вот это чудовище, которое натравливает братьев на братьев, которое душит и убивает в человеческой груди всякое человеческое движение, эту военную организацию, которая превращает людей в машины деспотии, вы и должны разрушить, если вы хотите сделать свободным славянство.

Вы должны отозвать ваших солдат из Италии, этой прекрасной, загубленной австрийским рабством Италии, потому что не позор ли то, что славяне, которые сами борются за свою независимость, прилагают свои руки, чтобы поработить благородный народ, который не нанес им ни малейшего оскорбления, не сделал им на одной несправедливости? Вы должны повсюду отозвать славянских солдат из австрийской службы, которая их позорит, чтобы ими не пользовались более, как палачами, потому что это дает право и другим быть палачами по отношению к вам; вы должны суметь создать из них чистые славянские сердца, войско для

служения революции, войско, которое бы сражалось за свободу всех славянских народов и Европы.

Вы не можете изменить своей внешней политики, пока не измените внутренней.

Не надо более этой администрации австрийскими чиновниками!

Не надо этих вождей, которые наполовину возбуждают, наполовину успокаивают народ. Пусть погибнут эти злые люди, которые вечно говорят вам: агитируйте, но не слишком, потому что опасно возбуждать народ: можно достигнуть цели более кроткими, парламентарными, дипломатическими средствами. Не верьте этим людям. Освобождение наших народов может выйти только из одного бурного движения их. Дух нового времени говорит и действует только среди бури. Наша славянская натура не такова, как у отжившего старика, которому подходит только расслабленное и разжиженное; она не погибла и не испортилась, она проста и велика, и только прямота и цельность действует на нее. Славяне должны быть огнем, чтобы творить чудеса. Агитируйте среди славянских масс без оглядки, без удержу! Зажигайте в них святой огонь. Идите апостолами пробуждающегося славянства! Соединяйтесь, славянские народы Австрии! Соединяйтесь все вместе и заключите между собою священный оборонительный и наступательный союз! Союз не под прикрытием австрийской династии, а союз против нее, союз для освобождения от Австрии! Союз, для основания федерации, которая скоро должна соединить между собою все славянские народы. Будьте опять, как уже были однажды в золотой Праге, для нас, для всех славян севера и Турции, предвестниками, сверкающей грозовой тучей всех нас освобождающей революции.

Тогда воскреснет славянство!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 июня 2025 01:04:47

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 4 июня 2025 01:05:22